

гелистами был заключен и формальный союз, что выразилось в учреждении коллегии генеральных попечителей, призванных сообща бороться против католиков и уни.

Все эти факты, конечно, нельзя отнести на счет успехов протестантизма в православной украинской и белорусской среде в XVI в. — материалы об этих успехах приведены Е. Ф. Карским.<sup>29</sup> Необходимость объединения обуславливалась угрозой католицизма, который означал не только религиозный, но и национальный гнет.

Попытки европейской реформации найти союзника в России подкреплялись у «чешских братьев» сознанием славянского родства. Возрождение кирилло-мефодиевских традиций, о котором уже говорилось, приводило братских идеологов к мысли, что славяне были первыми, кто отправлял богослужение на родном языке, причащался «под двумя видами» и пр. Следовательно, древняя славянская церковь была апостольской, истинной. Впрочем, процесс формирования этих взглядов был диалектическим: готовая концепция вызвала обращение к кирилло-мефодиевской эпохе, затем традиции этой эпохи, толкуемые, разумеется, односторонне, укрепляли сознание славянской взаимности.

Славянская идея у «чешских братьев» выражалась прежде всего как представление о религиозном единстве славянских народов. Поскольку для чешских евангелистов главными врагами были габсбургская империя и папство, турецкая опасность не стала той почвой, на которой могла расцвести мысль о необходимости единства славян, иначе говоря, корни славянских воззрений у чехов-изгнанников были иными, чем корни идеи славянского мессианизма у поляков и южных славян.

«Чехи в эмиграции проявляют более холодное отношение к славянской проблеме, чем чехи на родине, под гнетущими крыльями габсбургского орла. Павел Странский в „Respublica bohema“ цитирует Кромера и Судетина, но не разделяет ни настойчивой логичности первого, ни темпераментности второго: Странский представляет собой прямую противоположность страстно заинтересованным Бальбину или Пешине. Славянская проблематика явно не становится важным элементом в его рассуждениях о международной политике. Это, очевидно, позиция эмиграции по отношению к Порте, то есть точка зрения Ришелье, а также Турна и шведской политики: союз с Портой против Габсбургов. Религиозные интересы, которые выражают интересы классовые, отделяют в данном случае чешскую евангелическую эмиграцию от массы славян, и не только находящихся под чужим ярмом, но и от польского народа и восточных славян, которые борются против турок».<sup>30</sup>

Это высказывание крупнейшего современного знатока славянских проблем в части фактической совершенно правильно. Однако слова о «холодности» евангелической эмиграции чешской вызывают недоумение. Сам Ф. Вольман в предисловии утверждает, что «все представления, которые объединяются сознанием и чувством межславянского родства и проявляются также в фактах межславянского сотрудничества, всегда и в различных местах славянского мира вызываются разными политико-социальными причинами».<sup>31</sup> Следовательно, нельзя упрекать «чешских братьев» за то, что они не принимали участия в общеславянской борьбе с турецким игом. Для них Габсбурги представляли реальную и большую опасность,

<sup>29</sup> Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III (Очерки словесности белорусского племени, вып. II. Старая западнорусская письменность). Пгр., 1921.

<sup>30</sup> Frank Wollman. Slovanství v jazykové literární obrození u Slovanů. — Spisy filosofické fakulty v Brně, č. 52. Brno—Praha, 1958, стр. 31.

<sup>31</sup> Там же, стр. 3.